

Городской музей ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

1. Старик и его сны

Старик начал видеть необыкновенные сны с раннего детства.

Сначала они были всего лишь цветными, объемными, и все в этих снах происходило будто по правде. Не отличишь. Настолько, что еще ребенком в колыбели, просыпаясь, он долго не мог понять: где закончился сон, а где начался очередной день.

Потом во сне стало намного интереснее. Мальчишкой он начал путешествовать в незнакомых странах. Пробирался дремучими лесами, поднимался в горы. Летал на самолетах и прыгал с парашютом. Однажды, оттолкнувшись от земли, взлетел так высоко и далеко, что поплыл в воздухе, раскинув руки. Это оказалось настолько чудесным, что не хотелось просыпаться. В другой раз, купаясь в море, он опустился в самые глубины и разгуливал там, вместе с медузами, ленивыми пучеглазыми рыбами, среди водорослей, кораллов и остального подводного, научившись дышать носом, как жабрами.

Однако рано или поздно ночь кончалась. Нужно было вставать, чистить зубы, завтракать, идти в школу или (когда детство закончилось и он стал взрослым) отправляться на работу. Приходилось ходить в магазины и стоять в очереди, ожидая троллейбус, а потом еще толкаться внутри салона, до самой нужной тебе остановки. Он пробовал не просыпаться, но из этого ничего не получалось. День казался длинным, занудным, наполненным сплошными трудами и обязанностями. Хочешь не хочешь, приходилось его проживать — чтобы дожидаться ночи и видеть сны, в которых все происходило без малейших усилий.

Что за мелодии складывались во сне! Можно было их напевать, легко исполняя на любом инструменте. Случалось рисовать картины или гонять в футбол, бегать на коньках (и всегда побеждать, прибегая первым). А какие приятели поджидали на каждом шагу! Лунный слоник, морской конек Горбушка, воробей Хват и остальные. Это были, конечно, не друзья, а всего лишь приятели. Они появлялись вдруг, вполне независимо и так же неожиданно исчезали. Но зато — сплошь выдумщики, весельчаки, личности, каких в обычной жизни нигде и никогда не встретишь.

Однажды он понял, что способен управлять сном. Научился усилием воли исполнять все, что захочется. Например, сделаться лягушкой или влезть в шкуру тигра. Стать на выбор ласточкой, бегемотом, пчелой... Как-то раз он превратился в гранитный валун и оставался таким долго. Каждую новую ночь в течение месяца, засыпая, он чувствовал себя куском гранита, торчавшим на краю пропасти. К счастью, в тех местах началась буря. Ударил молния. Его грузное тело сорвалось; оно падало, рассекая воздух, и падало до самого утра в жуткую прорву, лишенную дна. Впервые в жизни он радовался, когда наконец проснулся.

Несколько лет он путешествовал во сне на других планетах. Перепробовал множество обличий. Был разумным червяком и зубастой пастью (на двух ножках и с крыльями). Парил в воздухе летучим семенем (вроде нашего одуванчика). Странствовал прыгучей трехглазой колючкой, которая перебирается с места на место на чьей-нибудь подходящей шкуре (бредущей или несущейся со всех ног в нужную вам сторону). Скакал по неведомым просторам говорящим в рифму солнечным зайцем или возникал из ниоткуда лунным бликом, напевавшим колыбельные песни. А еще был слезливой пирамидкой (нескладной дамой, которую распирают горькие размышления) и веселящим мешком (одноглазым толстяком, разгуливавшим где захочется со скоростью мысли).

Больше всего старику понравилось путешествовать налегке. В обличье одушевленной тени, которая меняет размер и оттенки цвета, в зависимости от времени года и по желанию.

Оказалось, что твой внешний вид — не самое главное. Что впечатляют не пейзажи, даже самые необычайные. Не существенно, где ты странствуешь и в каком обличье. Важно — какой ты сегодня в этих редкостных местах. Грустный, веселый или задумчивый. Будешь сочувствовать окружающим или посмеиваться над ними. Умеешь ли сочинять мелодии и любить...

Пришло время, когда старику надоело быть во сне всего лишь очередной рыбой, птицей или букашкой. В одну прекрасную ночь он увидел сон, в котором почувствовал себя ветром и небом. Потом сумел стать морем-океаном, горной грядой.

Наконец старик превратился во сне в огромную голубую планету, полную воздушных просторов, морей и материков, где леса, поля, степи, пустыни и множество всего остального.

Это оказалось чрезвычайно хлопотным делом. Приходилось выполнять бесконечное количество обязанностей: назначать и одновременно заканчивать четыре времени года, поворачиваясь к солнцу то одним, то другим боком; заботиться о силе ветров, полнить дождем реки и озера; не забывать о внутренних глубинах и подводных пространствах; запускать разноцветные облака, прорастать семенем и сбрасывать старую листву; ежесекундно заботиться о ходячей, прыгучей, ползучей, летающей и остальной, бесчисленной ребятне, которая без присмотра может наделать страшных глупостей.

Конечно, больше всего требовали внимания люди — существа с легкомысленным разумом, которые язвили, вредничали и создавали сложности, где только возможно. Большинство из них были совсем лишены чутья, так что каждый мог запросто разрушить не только собственную жизнь, но и многое, вокруг существующее. Однако некоторые из людей умели сочинять мелодии и любить. За это можно было терпеть остальных — никчемных и гадких.

Театральный режиссер и литератор Михаил Стародуб неоднократно публиковался на наших страницах и как автор научной фантастики, и как стихотворец. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию небольшую подборку его коротких рассказов.

Впрочем, все это являлось игрой воображения. Называлось сном. При этом старик уставал — и как! Чувствовать себя планетой несколько ночей подряд оказывалось непосильным делом, требовало чрезвычайного напряжения. Теперь утро наступало передышкой. Нужно было как-им-то образом отвлечься, не вспоминая до следующей ночи о нечеловеческой ответственности и зботах за все живое на голубой планете.

Именно с тех пор он начал ценить прелести реальной жизни. Возможность вдохнуть всей грудью осенний воздух, полный горечи далеких костров, грибных ароматов, хвои, опавших листьев.

При случае старик уезжал за город. Сняв башмаки, он разгуливал босиком или, забравшись по колени в мелкую речушку, стоял, пытаясь запомнить: какое неповторимое удовольствие — воспринимать окружающее в малейших оттенках! Уезжал, чтобы не спеша ощутить вкус ключевой воды. А потом насытиться запахами недавно испеченного хлеба, свежестью сорванного яблока. Он бережно собирал коллекцию ощущений. Самых разных: острых и едва уловимых, вполне летучих.

Теперь представьте себе старика с веселыми серыми глазами, который совершенно серьезно утверждает, что все люди рано или поздно станут планетами, а некоторые — даже звездами. Мол, здесь, на Земле, каждый из нас набирается разнообразных впечатлений и навыков, чтобы было о чем видеть сны потом, во время продолжительной и ответственной звездной жизни.

Никто ему, конечно, нисколько не верит. Кроме соседской девочки, которая частенько слушает, как старик говорит вслух, видимо, от чрезвычайного одиночества.

Девочка худа и не очень-то красива. У нее слишком большие глаза и высоченный лоб. Ясно, что ей хочется однажды стать звездочкой. Хотя бы лет на двести или триста. С некоторых пор она изо всех сил набирается разнообразных впечатлений для своей последующей звездной жизни.

2. Стратегическое оружие

— Замечательно! — посмотрев в зеркало, вслух произношу я. — Что такое? — спрашиваю, приблизившись к стеклу. — Определи, не стесняйся! Глаза сегодня такие зеленые, что было бы неудивительно совершить нечто необычайное. Пожалуй, — решаю, — совершу необычайное.

И выхожу из комнаты, куда эти мои зеленые глаза глядят. То есть прямо по широкому коридору своего минус-шестнадцатого этажа. Иду, а случайные прохожие уступают мне

пешеходную тропу, жмутся к стене. Кто-то из малорослых космонавтов придержал дверь переходника, топчется у лифта, дескать, прошу, не желаете ли? Кивнул я ему, вошел в кабину, а он суетится, тянется правой ладошкой к виску — честь отдает, и лицо прыгает. Слизняк в генеральских погонах, видел его, кажется, на испытаниях, среди прочих вояк и немногих штатских. Этих, похрабрее, которые называют себя учеными. Они качают головами, обсуждая происходящее на своем фантастическом, не подходящем для нормального человека языке, некоторые нервно посмеиваются... А три дня назад я сорвал аплодисменты, что, собственно, не имеет значения. Скучно. Хотя держусь изо всех сил, понимаю: государственная необходимость, новый вид стратегического оружия, прочее, вполне почтенное. Настолько, что присвоили мне звание полковника, форму выдали. Гулял я два дня по коридорам в полковниках, надоело. Влез в джинсы, свитерок. «Отвлекает, — говорю, — меня как стратегическое оружие эта казенная одежда. Слишком большая честь для мальчишки моего возраста».

Один престарелый вояка чуть не прослезился от таких слов. Пристроил я старому пердуну третий глаз между бровями, чтобы слезился на всю катушку. Ему бы радоваться — сколько можно освоить самого невероятного третьей своей гляделкой! Но не выдержал старикан прозрения, увезли его с тремя закатившимися зрачками на тележке в госпиталь.

Целых две смены я был паинькой — двигал стрелки приборов, плевался огнем в бегущую цель, слепил даже из «ничего» пластиковый шар величиной с голову. Добрый получился шарик: пушистый, солнечного цвета и отскок подходящий. Таким бы в футбол погонять. Да только не с кем, а тот шарик господина научные исследователи распотрошили в свое удовольствие. И хотя я сработал хоть сотню подобных — жаль. Такого пушистого и желтого уже не будет. Потому что невозможно позаимствовать из «ничего» два одинаковых предмета: каждый раз выскакивает что-то новенькое, тебе самому на удивление.

Так или иначе, завтра последний день перед каникулами, давно обещанными и долгожданными. И пусть кто-нибудь попробует зажулить мои восемь недель свободы — будь ты хоть сам президент! — не позволю. К слову, уже объявлено, что завтрашнее испытание посетит президент. Лично. И кое-кто из команды. Пускай себе являются. Поглазеем, как господина вояки умеют костенеть от почтения. А пока спасибо за свободный вечер: я должен копить энергию для завтрашнего показательного сеанса. Так решили ученые, и я не возражал.

Двигаю не спеша нулевым этажом, а в бункере шумно. Дневная смена сотрудников — голодных и жаждущих — расходится по коридорам в бары и ресторан. Я среди прочих, и здесь уже никто не шарахается, не жметя по стеночкам, потому что младший обслуживающий персонал со мной не знаком — и чудесно! Кое-кто из девушек строит глазки, другие, напротив, вполне равнодушны. Так что можно себя почувствовать самым обыкновенным, и наплевать мне на секретные инструкции, воинский устав, энергию, которую я будто бы накапливаю для завтрашнего представления.

В ресторане аншлаг, но местечко находится у эстрады, лицом к публике. Сажу в ожидании заказанных салатов. На эстраде появляется скрипач. Он же, оказывается, еще и певец.

Я вижу девушку. Беловолоса, белокожа, веснушки над

бровями, на носу и щеках. Мелодия воздушна, певец... не сказать, что мешает — не соответствует, пожалуй. Начинаю подпевать скрипочке (не вслух, разумеется, там, в параллельной реальности), тихонько и для одной белобрысой девушки. Некоторое время она с удивлением вслушивается, а потом мы поем уже на три голоса — скрипка, девушка и я (певца мы отключили). Далее сама собой вмешалась матушка-природа, вступила в мелодию, чтобы поддержать нас, как случается всегда в точно организованном пространстве звуков, линий, слов. Здесь главное — не сорваться, обмануть: здесь можно и нужно сделать вид, что начинаешь таким вот музыкально организованным способом свой путь ко всеобщей гармонии, которая предполагает результатом потерю собственного «я», полное и законченное растворение в прекрасном. Всеобщем, то есть, попросту говоря, — смерть. И надо уметь соскочить, «не доигравши» до смерти... Матушка-природа вступила, и девушка, захмелев от музыкальных сочетаний, счастливо улыбается, не подозревая о серьезной опасности. Я успел подхватить ее за талию, мы взлетели на глазах у прочей ресторанной публики, а всю накопленную энергию я бросил на переход двух душ, обремененных телами, в потусторонние миры.

Там не существует времени.

Но здесь, в бункере, время никто не отменял. Мы возвращаемся к утру и уже не желаем расставаться. Рука в руке приходим на полигон. Кое-кто возражал, но все устроилось.

— Я, — говорю, — буду не один — и точка!

Господин президент уже на месте и, кажется, в большом нетерпении. Я приветственно взмахнул рукой, но он отвернулся. Главный сказал короткую речь, публика поаплодировала.

— Начинаем! — заорал Главный и, уже тихонько, мне: — Не подведи, сделай милость. Покажи себя, голубчик.

— Цель запущена! — докладывает оператор, и все отходят от края смотровой площадки, чтобы не зашибло ударной волной, когда я испепелю объект.

Выползает танк последней модели — сколько я таких сжег, вспомнить тошно. Прищурился я... ничего! Дунул — тот же эффект: ползет механизм, не желает гореть. Собрался я с силами, прицелился. Потом подумал и сбросил свитер даже, прицелился еще, да ка-а-ак плюнул! Выброс такого уровня должен был рассеять железяку на атомы в мгновение ока, да еще и воронку порядочную оставить, и что же? Получилось вполне обыкновенно, без огня и дыма, любой такое исполнит, только стыдно на людях плевать.

Господин президент очень удивился. Главного чуть удар не хватил, а генералы так возмутились, что я подумал: сейчас их разорвет от негодования по одному или всех вместе, и хотя это будет намного эффективнее взрыва танка последней модели, но представить страшно, сколько сразу дерьма освободится!

Слышу, подружка моя смеется.

— Конечно, — говорю, — со стратегическим оружием. Двигаем отсюда.

Взялись мы за руки и пошли. А чтобы генералам не скучно было (да и господину президенту что вспомнить), я, оглянувшись на танк последней модели, раскрасил его всеми цветами радуги. Потом, не трогая ходовой части (мотора и остального с электронной начинкой), исполнил на месте танковой башни здоровенный стальной фаллос, с прочим необходимым. Здесь моя подружка смутилась, даже как-то осерчала. Пришлось быстренько перемонти-

ФАНТАСТИКА

ровать металлическую дубину в стальной ажурный розовый куст с бутонами.

После этого мы прошли сквозь стену бункера в парк. Никто нас не остановил. Даже из команды господина президента.

3. Сверлильщик

Припожаловал в наш город господин, который любит сверлить дырки электродрелью.

Мало того, поселился господин на нашей улице.

Но и этого, к сожалению, тоже не хватает для полной ясности: квартира означенного типа оказалась в доме и подъезде, где живет автор и его семья.

Каждое утро, в семь часов, сверлильщик с большим энтузиазмом принимался за дело.

— Д-р-р-р! — скрежетало над самым ухом со всех сторон.

— Ж-ж-ж-жс-с! — иногда для разнообразия шипело под самым носом.

— Туп-туп-туп! — стучало время от времени как будто уже совсем у тебя в голове. И всякий понимал: «туп» означает, что господин лупит молотом по стене, намечая место, куда начнет вгрызаться сверлом с еще большим удальством.

И опять:

— Ж-ж-ж-ж! Д-р-р-р! Туп-туп-туп!

И снова. До позднего вечера.

Если бы он мог, то, конечно, скрежетал бы и ночью. Но боялся, что тогда в нем самом наделают лишних дырок. В голове или, для разнообразия, под носом и над ухом. Правильно, между прочим, боялся! Такое желание возникало. К позднему вечеру, регулярно.

Но во-первых, до утра агрессия иссякала. А во-вторых, жители нашего подъезда надеялись, что когда-нибудь этот господин продырявит наконец все стены, потолки и полы своей квартиры! Вокруг него будут сплошные отверстия, прорехи и пустоты. А для нас наступит тишина, придет долгожданное облегчение.

Но пока господин продолжал скрежетать и вгрызаться. А в перерывах лупил молотом.

Из-за этого Ежиков — наш сосед по лестничной площадке — решил срочно научиться играть на музыкальном инструменте. Чтобы спастись от шума. И спасти нас, своих соседей. Прибежал он в магазин.

— Скорее продайте, — говорит, — что-нибудь оглушительное!

— Не желаете ли ударную установку? Берите палочки и лупите изо всех сил оглушительно!

— Нет. В нашем доме уже есть кому лупить изо всех сил. Не хочется повторяться.

— Может быть, возьмете рояль?

ФАНТАСТИКА

— Он займет слишком много места. К тому же рояль стоит кучу денег.

— А если что-нибудь из духовых? Попробуйте вот эту серебристую дуду.

Дуда ослепительно сияла. В случаях крайних можно было смотреться в нее, как в зеркало. Она была недорого и миниатюрна. Но дудела будь здоров как! Продавец с большим успехом продемонстрировал ее возможности, сыграв бодренький военный марш.

И вот начал Ежиков по утрам дуть в серебристую дуду:

— П-р-рп! П-р-рп! П-р-рп!

Получилось то, что надо: дуда рявкала и сразу спасала Ежикова от шума. Но к сожалению, спасала только его одного. Потому что ни в коем случае не следовало в нее дуть: звуки, которые извлекал Ежиков, раздражали, были определенно неприличными. Казалось, в его трехкомнатной квартире поселилось стадо слонов, которые время от времени, прошу прощения, освобождают кишечник от газов. Громоподобно, совсем немзыкально. Теперь даже скрежет сверла не казался таким дисгармоничным.

Жители нашего подъезда сразу решили сломать дуду. Или, в случае крайнем, сломать Ежикова. Но тот оказался мужиком бессовестным и не из робких. Дуду не отдал.

— Разве человек... П-р-рп!.. Не имеет права изучать... П-р-рп, п-р-рп!.. Любимый инструмент? — возмущенно кричал он из-за запертой двери. — Прошу подождать результатов... П-р-рп! П-р-рп!

И все стали ждать.

Оказалось, что у Ежикова нет не только совести, но и слуха. А может быть, ему бракованный инструмент продали: звуки из дуды по-прежнему раздражали и были все более бесстыдными. Самые непристойные фантазии рождались в голове, когда Ежиков начинал дуть в дуду. Детям моложе шестнадцати лет это могло принести вред. Оставалось ждать, что однажды Ежиков разорвется, не выдержав напора собственного воображения.

Население нашего дома стало нервным.

Чтобы развеять всеобщую нервозность, Иван Иваныч Бугаев — подрывник, полковник в отставке, работающий на пороховом заводе, — однажды привез целый грузовик петард, шутих, огненных колес, разноцветных ракет, хлопушек, ну и остального, из чего так приятно соорудить фейерверк на балконе второго этажа.

Каждый вечер Иван Иваныч затевает праздничный салют в ознаменование того, что ни в коем случае не стоит нервничать по пустякам и даже из-за серьезной причины. Оказалось, что хлопушки и огненные колеса — эффективное утешающее средство. После доброго фейерверка стадо слонов из квартиры Ежикова представляется стайкой комариков. Правда, разноцветные ракеты, взлетающие с балкона второго этажа, не всегда управляемы. Но во-первых, все об этом знают и стоят наготове у раскрытых окон

с огнетушителями и ведрами с песком. А во-вторых, до сегодняшнего дня только одна из ракет угодила куда не надо — в квартиру Гайкина на последнем этаже.

Полыхнуло слегка, а сгорело и вовсе чуть-чуть, но Гайкин трусоват, ночует теперь в машине, припаркованной у входа в подъезд. Каждые полчаса, он включает сигнализацию или просто жмет на клаксон, чтобы никто не беспокоился: мол, он, Гайкин, жив и не в обиде за случайную ракету. Разумеется, мы пытались объяснить, что никто за него и так не беспокоится, но Гайкин — человек излишне мнительный, а теперь, кажется, еще и слегка ушибленный ракетой.

Очень скоро Завьялов с предпоследнего этажа ворвался в лифт и, объявив его заповедной территорией, решил лично охранять подъемный механизм. Охранять — это означало, по мнению Завьялова, ездить туда-сюда и никого в лифт не пускать.

В ответ на это жена Завьялова начала стучать по батарее центрального отопления — видимо, передавая морзянкой сообщения в пространство с просьбой о помощи. По ритму и размеру можно предположить, что сообщения исполняются в стихотворной форме.

Несколько позже коммерсант Флюс — арендатор нежилых чердачных помещений — продал через Интернет крышу нашего дома, покрытую листовым железом. Прилетела команда рабочих на двух вертолетах и вместе с крышей прихватила чугунные балконные решетки некоторых жильцов, которые в это время были на работе. К счастью, по уважительным причинам большинство жильцов на работе отсутствовало. Эти товарищи свои решетки не отдали.

Тогда Семенов — арендатор нежилых помещений первого этажа — продал свой скелет музею изящных искусств. Заодно — продал и наши. И что удивительно, музей без промедления купил у него все скелеты, не согласовав это с их владельцами...

Что ж, население нашего дома начало готовиться к полету в соседнюю галактику. И мы, что прекрасно, скоро туда полетим! Деньги на билеты в один конец уже сданы коммерсанту Флюсу. Вызов — за смешную сумму — помог устроить арендатор Семенов. Иван Иваныч Бугаев — полковник в отставке и подрывник — привез с порохового завода несколько цистерн звездного топлива. Мы полетим, конечно, никто в этом не сомневается. Только найдется ли во Вселенной подходящее место? Кому мы нужны такие, со своим сверлильщиком, серебристой дудой Ежикова и скелетами, принадлежащими городскому музею изящных искусств?

